

Моррисон Дж.

15/ХI 87

ГДЕ ТЫ, ДЖИМ?

Есть в китайском цирке классический номер: жонглер ловко подкручивает бамбуковые трости, на кончиках которых вортятся хрупкие тарелки. Вовремя не подкрутишь трость — все рухнет. Приблизительно в том же положении сейчас Рэй Манзарек, клавишник некогда знаменитой группы «Доорз» [«Двери»]. Ценой невероятных усилий он пытается поддерживать легенду о безвременно ушедшем из жизни лидере состава Джиме Моррисоне, на которую только и остается уповать остальным членам группы.

ЗВЕЗДА Моррисона взошла ровно двадцать лет назад. За одно только лето 1967 года «Доорз» набрала рекордное число почитателей. Причем среди них в равной пропорции оказались и бежавшие от жизненных проблем хиппи, и с головой ушедшие в эти самые проблемы доморощенные революционеры по обе стороны океана. Симпатия Джимбо — так прозвали Моррисона, — увенчав буйную шевелюру цветами, с одинаковым энтузиазмом воспевал чувственную любовь и кляймил пороки общества, в котором жил. Получался странноватый сплав, кем-то метко прозванный «коразменно — ядовитым роком».

Популярность Джимбо и его группы разрасталась с каждым днем... как и углублялся с каждым днем внутренний разлад в душе певца. Любовь любовью, но надо что-то делать с действительностью — это Джими было ясно. Тамо ли? События 1968 года в Париже, крах надежд

юных бунтарей окончательно затуманили картину. Джимбо кончил наркотиками. Теперь голову Моррисона венчают только те цветы, что приносят на кладбище Пер-Лашез в Париже бывшие поклонники певца. К его бюсту даже ведут самодельные указатели: «К Джими — сюда».

Но живы — целехоньки трое остальных участников «Доорз», и им надо как-то сводить концы с концами на этой греческой земле. Заправляет в группе теперь клавишник Рэй Манзарек, он-то и не дает угаснуть интересу к Джимбо. Последняя попытка — только что вышедший альбом извлеченных из сундуков стареньких концертных записей, который

так и называется — «Концерт в Голливуде». Два десятилетия назад это был гвоздь сезона. Сегодня же на рынке царят закомпьютеризованные вздохи Майкла Джексона и витуюзная бессмыслица «Пет Шон Бойз». Результат — в журнале «Мелоди майкер», например, альбом «Доорз» от-

рекомендован такими выражениями: «Скудость материала» и «Худосочное содержание».

И члены группы кинулись в киноархивы. Манзарек полон желания из обрывков старых кинорепортажей склеить видеоизо «Доорз» — если не голос и песни, так хоть краяту Джимбо, возможно, еще удастся прорыть. Во всеуслышание Манзарек объявил о желании снять фильм под названием «Женщина из Лос-Анджелеса» — о судьбе Моррисона. Интересно, что несколько лет назад ходили слухи о съемках другого фильма о Джимбо, где главную роль должен был играть супертанцор Джон Траволта. Не сняли. Возможно, потому, что одного умения живо двигать ногами маловато для воплощения на экране столь сложной личности, как Моррисон. А может, потому, что киноделы почувствовали: несмотря на все усилия по воскрешению, Джимбо навсегда останется реликвией шестидесятых. Времена ныне другие.

Некогда по горячим следам была пущена утка, что Моррисон вовсе не умер, а просто, разочарованный, отошел от дел и прескокойно живет-поживает в сельской глубинке. За идею ухватился и неутомимый Манзарек, публично заявивший во время скорбной церемонии на кладбище, по-

священной десятилетию кончины певца: «Не думало, что Джим лежит в этой могиле». Потом он, правда, оговорился, что имел в виду дух Джимбо, который-де вечно жив в его памяти. Но факт факт: по сей день Манзарек получает письма от людей, «только что видевших живого Моррисона».

— Если бы Джим и вправду был жив, он должен был быть страшно занятым человеком, — говорит Манзарек.

— Его видят буквально повсюду. Однажды я получил письмо о том, что он живет в далекой австралийской деревушке и только что сломал ногу. Автор письма просил выслать ему 2000 долларов, чтобы он помог Джиму.

Да, мир изменился с тех пор, как о нем пел цветочноволосый Джимбо. Как Манзарек объясняет тому деревенскому хитрецу из Австралии, что и сам бы не прочь попросить у кого-нибудь две тысячи? Ведь бизнес идет из рук вон плохо: старое не воскресишь, а для новых песен пороху не хватает.

— Пару раз в год Джим мавшает меня в снах, — рассказывает Манзарек. — Я говорю ему: «Джим, где ты был, старина?» — «Там-сям, знаешь ли, — отвечает он. — Есть новые песни?» Мы садимся с ним за работу... и тут я всегда просыпаюсь. Все никак не усыплю, что за песни мы с ним играем.

Д. ДИБРОВ
(ТАСС)